

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

РАСЧЛЕНИТЕЛИ

Федеративное беснование под маской национал-демократии

1. СЦЕНАРИСТЫ РАЗВАЛА РОССИИ

Вопреки обыкновению, хочу начать этот текст с цитирования. В заметке “Об одном лживом аргументе против русского национализма” Егор Холмогоров написал в 2011 году очень правильные слова:

“... Если же кто-то планирует под шумок внутренних смут развалить РФ, раздробив ее на множество частей, то русским тем более необходимо своевременное получение инструментов, которые сделают нас субъектом политического процесса. Ибо в противном случае, в случае развала РФ, именно русские окажутся самым бесправным, самым угнетаемым, терроризируемым и порабощаемым народом на территориях новых бабайств, ханств, джамаатов и прочих притонов inferнальной неруси.

... Слабость и безгласность русских, игнорирование национальных интересов приведут к тому, что: а) Российская Федерация развалится, поскольку в целесообразности ее существования не будут заинтересованы её собственные граждане и, прежде всего, самый многочисленный из населяющих её народов; б) на осколках РФ состоится масштабный геноцид русских, – геноцид таких масштабов, которых история никогда не знала”.

Еще недавно я назвал бы такие настроения алармистскими, а сценарий развала населенной русскими России – вместо создания на всей ее территории Русского национального государства – злобной русофобской утопией.

Сегодня опасения Холмогорова кажутся мне более чем обоснованными. Тому причиной серьезные усилия, действующие в губительном для нас направлении из двух, казалось бы, непримиримо противоположных лагерей.

С одной стороны, это откровенно русофобствующие силы, примазавшиеся к Дмитрию Медведеву. Они поставили в повестку дня децентрализацию России с ее последующим неизбежным разделом между сильными мира сего. Так, в недавнем докладе ИНСОРа (формальный руководитель Игорь Юргенс, фактический – Евгений Гонтмахер) сделан упор именно на федерализм и необходимость возрастания самостоятельности регионов – проще говоря, раздробление РФ на отдельные уделы, которые один из современных политических журналистов уже остроумно окрестил “руспубликами”. В своих недавних речах Медведев послушно подтвердил эти тезисы, вновь дав понять, чью программу он призван реализовать.

С другой стороны, это группа примкнувших к Русскому движению людей, беззастенчиво присвоивших себе бренд русской национал-демократии. Они также пропагандируют идеи дальнейшего развития федерализма в России вплоть до “конфедерации русских земель”. Уже не “джамаатам” и “бабайствам”, а русским регионам, возжаждавшим бесконтрольности, отрыва от Москвы, а в перспективе полной от нее независимости, отводят они главную роль в развале России.

У истоков этого направления стоят известный ныне как политический провокатор Петр Хомяков и литератор Алексей Широпаев, обросшие в последнее время молодым и борзым пополнением, мечтающим выделиться и запомниться публике каким-нибудь идейно-политическим кульбитом, необычным вывертом мысли. Но все, на что хватает мозгов у юных дарований – это взять хомяковские идеи и “наверчивать” их, “как чистый бриллиант”.

Вот, к примеру, профессор Хомяков дружески делится с чеченским агентством “Ичкерия-инфо” своими открытиями:

“Мне кажется, что пора вводить в обиход термин “построссийское пространство”. Так вот, если говорить о русских территориях построссийского пространства, то они должны быть организованы на основе регионализма. В какой форме этот регионализм реализуется, зависит от конкретных условий. Это может быть асимметричная федерация, конфедерация, совокупность полностью независимых государств, типа Дальневосточной республики, Сибирской республики, Уральской республики, Балтийской Руси и т. д., и т. п. Но не хотелось бы забегать вперед. Все решит сам народ. При этом учтем, не нынешний народ, а народ, получивший опыт борьбы с империей, опыт борьбы за свободу, опыт взаимодействия с другими народами в этой борьбе”.

Речь, как понимает читатель, идет именно о русском народе, который, по мысли профессора, должен уничтожить, развалить Российское государство в борьбе за свою свободу – в союзе с другими свободолюбивыми народами России, разумеется. Типа чеченцев, которым он не забывает пообещать давно желанное: “Полная независимость Кавказа. Причем с возвращением всех захваченных империей территорий”.

Чеченский корреспондент спросил его прямо: “Как Вы относитесь к процессу развала России?.. Что он принесет русскому народу, благо или потери?”.

“В перспективе этот развал, несомненно, неизбежен, – с готовностью провещал профессор. – Я считаю, что к 2015 году Россия развалится со сто-процентной вероятностью. Но она может развалиться и раньше... Как я к этому отношусь? Как к благу для русского народа, который этим государством уничтожается со скоростью более миллиона человек в год. Думаю, что и другие народы России не будут возражать против развала России. При этом, чем раньше это произойдет, тем лучше для всех нас”².

Мне приходилось более-менее подробно анализировать взгляды Хомякова, выраженные в т. н. “Программе НОРНА”³. Я окрестил их национал-анархизмом и анархической русофобией.

Кульбит и выверт мысли юных последователей старого провокатора как раз и состоит в том, что они, мимикрируя, перекрестили эту систему убеждений – в национал-демократию.

Мне бы хотелось, как рекомендовал Конфуций, “исправить имена”, то есть вернуть понятия и концепции в предназначенную им классификационную ячейку. И показать, во-первых, что к национал-демократии (и вообще к демократии) анархизм относится так, как абсурд, ловко слепленный из здоровой идеи умственными спекуляциями, – к самой этой идее. А во-вторых, что национал-анархизм потому так и называется, что ничего, кроме анархии, не обещает тем безумцам, которые поддадутся его соблазнам. Как понимает читатель, при некотором навыке до абсурда можно довести любую мысль. О том, как это делают юные выползки из хомяковско-широпаевского гнезда, речь и пойдет.

Я говорю о юных хомяковцах, ибо сложилась даже небольшая организация молодых политических честолюбцев, не стесняющихся эти идеи исповедовать публично: Русский гражданский союз (РГС). Хотя продуцирует их, раз от раза все агрессивнее, лишь один из них, самый способный, – Александр Храмов. Так что разбирать мне предстоит только программные документы РГС да писания имярек.

“В пятнадцать лет учителей научат”

Учредительная конференция РГС состоялась 21 ноября 2010 года в туркомплексе “Измайлово” (Москва). В ее оргкомитет вошли Антон Сусов, Дмитрий Феоктистов, Александр Храмов. Все трое до этого состояли в других организациях, где им, по-видимому, перестала видаться перспектива: Сусов – в руководстве ДПНИ Александра Белова-Поткина, Феоктистов – в президиуме молодежной организации у Михаила Касьянова⁴, Храмов – в Национал-демократическом альянсе у Алексея Широпаева.

Последнее обстоятельство особенно важно, ибо поначалу главным проводником в массы идей сбежавшего из России профессора был назначен именно Широпаев, организовавший с этой целью т. н. Национал-демократический альянс (НДА) и соответствующий сайт. Но Широпаев – фигура одиозная; его книга “Тюрьма народа” отличалась такой бешеной русофобией и таким антироссийским пафосом, что стяжала ему славу человека неадекватного. (Я, например, просто перестал с ним здороваться.)

Понадобился молодой, современно мыслящий и говорящий человек, способный транслировать те же идеи, не компрометируя их подобной репутацией. Тот факт, что Храмов вырос именно из НДА, таким образом, не случаен, он имеет знаковый характер.

В Манифесте РГС сразу прозвучали знакомые хомяковско-широпаевские нотки. Начиная с постулата о “нехорошем”, антирусском на всем протяжении своей истории Государстве Российском: “Роль колонизируемого народа в нем отведена в первую очередь русским, которые в ходе территориальной экспансии превратились из собирателя земель в народ-донор для национальных окраин и коррумпированной бюрократии. Сверхэксплуатация русского народа, опора на изношенную советскую инфраструктуру и неэффективную сырьевую экономику, засилье полуфеодалных кланов чиновников, силовиков и этнических элит – таков закономерный итог имперского пути”.

Казалось бы, речь должна пойти о том, чтобы в Русском национальном государстве развернуть противоестественную ситуацию в России в обратную сторону: покончить со сверхэксплуатацией русского народа и его ролью донора, но при этом вернуть и закрепить его роль собирателя земель.

Не тут-то было!

Идея России как “колонии наоборот” – не нова и, к сожалению, в значительной мере верна. Ее, в частности, успешно развил и обосновал в своих трудах Валерий Соловей, которого можно иногда видеть на мероприятиях РГС.

Но неверны, однако, выводы, которые делает НДА и его наследник РГС, готовые в борьбе с клопами и тараканами сжечь всю родимую избушку. Предлагаемое РГС лекарство куда хуже самой болезни, ибо в Манифесте (раздел “Федерализм и регионализм”) провозглашается:

“Для того чтобы сохранить единое русское пространство и обеспечить свободное развитие русских земель, необходимо полноценное функционирование федеративных институтов, что позволит учитывать региональные интересы. Во внутренней политике необходимо ориентироваться на принцип субсидиарности: регионам должны быть предоставлены широкие права в области местного самоуправления и законотворческой деятельности, гарантирована бюджетная автономия. Региональные чиновники всех уровней должны выбираться местным населением, а не назначаться “центром”. Необходимо прекратить колониальную практику истощения федеральным “центром” русских регионов, следует отказаться от неконтролируемого перераспределения Москвой средств, поступающих из регионов. Равноправная федерация русских земель – основа будущего русского национального государства”.

О том, что ждет нас в результате подобной “равноправной федерации” (на деле автономизации с последующей суверенизацией) русских регионов, мы поговорим позже.

В анонсе учредительной конференции утверждалось: “движение открывает новую страницу в российской политике и кладет начало широкому сотрудничеству русских националистов и демократической оппозиции”. О том, кто имеет в виду под именем последней, говорилось там же в перечне приглашенных на учредительную конференцию РГС. Ожидалось участие: Национал-Демократического Альянса, партии “Правое Дело”, Российского Народно-Демократи-

ческого Союза. Список настораживал. Уж до чего-чего, но до участия в мероприятиях с СПС и его последышами раньше русские националисты не доходили.

Интересно для меня лично было и другое. Обещалось, что “к участникам конференции с приветственным словом обратятся... также известные эксперты, историки и публицисты”. Меня, однако, на конференцию пригласить весьма предусмотрительно забыли. В последний момент это сделал лично Антон Сусов, когда ему добрые люди намекнули, что как-то неудобно делать заявку на русскую национально-демократическую организацию в отсутствие живого отца-основателя течения⁵. По простоте душевной Сусов исправил “ошибку” коллег, которая, уверен, вовсе не была случайной. Ведь кошка всегда знает, чье мясо она съела.

“Не ждали”, – как сказано гением. Я все-таки появился в зале и, когда пришлось дать мне слово, процитировал любимого Конфуция: “Если имена не исправлены, то и речь не стройна, а если речь не стройна, то и в делах нет успеха”. После чего расшифровал:

“Что значит “исправить имена”? Это значит, в нашем случае, определиться с точной политической терминологией. Сегодня в русских головах, в русском движении в целом царит ужасающая теоретическая разногласица, путаница и неразбериха. Одни и те же термины понимаются порой противоположным образом. С этим пора покончить. И в первую очередь надо разобраться с фундаментальными понятиями: что такое “нация”, что такое “демократия”, что такое “национал-демократия”, адептами которой вы себя объявили. Предлагаю вам организовать на эти важнейшие темы научно-практические конференции, а я со своей стороны обещаю вам в этом свою посильную помощь”.

Но организовывать научно-практическую конференцию по теме “национал-демократия”, чтобы попытаться сообща выяснить, что же это такое, РГС не стал, а вместо этого решил сам всем все объяснить. С каковой целью Храмов подготовил целую брошюру в виде катехизиса на данную тему с многообещающим и ответственным подзаголовком: “Русская национал-демократия в вопросах и ответах”. Третьи лица переслали мне ее на отзыв, я прочел⁶. Как можно было предположить, к национал-демократии брошюра имеет отношение самое поверхностное, в основном за счет названия. Но такую претензию нельзя оставить без ответа.

Молодой троянский конь

Брошюра Александра Храмова – не первое его широковещательное заявление на тему русского национализма и российского федерализма. Он уже громко выступал со страниц журнала “Вопросы национализма” (ВН), недальновидно поощряемый редакторами, которым лестным показалось вывести в свет молодое многообещающее дарование. Не посмотревши предварительно этому дарованию – даровому троянскому коню – в зубы. А следовало бы.

Несколько слов об Александре Храмове вообще, каким он мне представляется как мыслитель. Первая бросающаяся в глаза особенность: исключительная молодость (1989 г. р.) и свежее испеченный диплом биолога. Казалось бы, профессиональные занятия биологией именно для националиста открывают наиболее заманчивые перспективы (свежий и наглядный пример – Дмитрий Крылов, тоже автор ВН). Храмов, однако, предпочел им дилетантские политологические штудии. Знакомясь с ними, я подумал в первую очередь о том, что перед нами – второе издание Александра Дугина: внушительная эрудиция, базирующаяся на знании языка (языков) и кое-какой западной литературы, выросший на этой базе столь же огромный апломб – но слабенький мозг, который не в состоянии переварить весь массив собственных знаний.

Не способный к самостоятельной умственной работе, не располагающий ни богатым политическим опытом, ни знанием русской истории, он выживает лишь за счет интерпретации прочитанного и паразитирования на нем.

Окрыленный сознанием собственных достоинств и признанием добреньких старших товарищей, Храмов с легкостью необыкновенной – как некий гибрид Хлестакова и Шарикова – дает “советы космического масштаба и космической же глупости”. К примеру, разъясняет нам, несмышляем, что такое национализм: “Ни экстремизм молодежных субкультур, ни бытовая ксенофобия, ни квасной патриотизм – это не национализм. Национализм – это идеология и практика, провозглашающая основной целью политического процесса

построение и в дальнейшем успешное функционирование национального государства”, — поучает он нас (ВН № 5, с. 212).

Самоуверенность парвеню вообще свойственна молодому поколению русских националистов, но Храмову — сугубо. Недаром он солидаризуется с мнением, что “русский национализм в подлинном смысле этого слова начал формироваться в середине 2000-х”. Перед нами пример классического библейского хамства, стандартное мышление выскочки, убежденного, что история “по-настоящему” началась с него — в пору хоть новое летоисчисление вводить по примеру французских революционеров XVIII века.

Как будто не было еще в начале XX века Михаила Меньшикова с присными, а в конце — целой плеяды русских националистов (Илья Глазунов, Александр Солженицын, Вадим Кожин, Игорь Шафаревич, Сергей Семанов — да всех разве перечислишь!). Про себя и некоторых моих коллег уж и не говорю. Очевидно, мы все, начиная с Меньшикова и заканчивая Валерием Соловьевым, — неподлинны. Нравится вам, читатель, такая претензия на непогрешимость? Но уж чем-чем, а непогрешимостью это племя младое не страдает, что я и надеюсь продемонстрировать.

Не зная и не желая знать, по причине гипертрофированного эгоцентризма, отечественных предшественников, Храмов ищет себе иную опору и иных предтеч на попроще национализма, чтобы, встав на их плечи, возвыситься самому. Таковую опору он находит в западных теоретиках, которых внимательно изучает, цитирует и популяризирует, максимально эксплуатируя их мнимое преимущество. Один из последних примеров — его комментированный перевод работы Дэвида Г. Роули “Имперский versus национальный дискурс: случай России” (ВН № 5).

Понятно, чем Роули привлек Храмова: “Применение термина “национализм” к России вплоть до настоящего времени некорректно и вводит в заблуждение... Отсутствие русского национализма является ключевым для русской истории и позволяет объяснить неудачу, постигшую как царскую Россию, так и Советский Союз” (ВН № 5, с. 213).

Неважно, что устами Роули вещает лишь чудовищное невежество⁷, основанное на расхожих европейских мифах о России и русских, способное только запутать проблему⁸. Зато вещает в “нужном” ключе, позволяя Храмову и К⁰ предстать в ореоле первопроходцев.

Импонирует ему и предельно упрощенное, восходящее к популярному на Западе, но крайне примитивно мыслящему Геллнеру, определение национализма как политического принципа (умственный продукт — и только), согласно которому “национальное и политическое единство должны совпадать”. “Другими словами, национализм — это политическое требование создания национального государства”. И всего-то. Эта декларация ничем не объяснена, ничего не объясняет и способна закрыть лишь небольшой сектор понятия, но весь западный политологический мир носится именно с ней⁹.

Забавно, что люди Запада, почти сплошь приверженцы “науки мнений”, а не знаний и фактов, не имея выверенных понятий “нация” и “национализм”, не понимая их смысла, не только всю ими оперируют, но и нас берутся учить. Хотя вести с продвинутым русским читателем разговор, оперируя западными категориями, совсем даже не умно. Однако у этих учителей таки находят адепты в наших палестинах, что куда менее забавно. Храмов — один из них; он предпочитает судить о русской истории и проблематике по их отращению в кривом зеркале западных обществоведов.

Между тем, в том же номере ВН верную оценку Роули дал научный редактор журнала Сергей Сергеев: “Роули просто экстраполирует современные нормативы в прошлое, и получается вопиющий анахронизм — лучшее доказательство того, что никакие самые интересные схемы не будут убедительными без кропотливой работы с конкретным историческим материалом”. Сергеев — профессиональный историк, для него это очевидно, он не обольщается иностранным именем и не подпадает под обаяние дилетанта. Храмов — недоучившийся (на тот момент) биолог — увы, всем этим грешит весьма.

Но главное — у Роули Храмов ищет и находит обоснование своей политической стратегии, которая должна вынести РФ на вершину российского Олимпа. Поскольку Роули приводит весьма убедительные примеры того, как разрушителям исторической России дважды в недавнем прошлом удалось за-получить всю полноту власти:

– “Обращение Ленина к национальному самоопределению оказалось выигрышнее, чем требование белых восстановить империю” (ВН № 5, с. 218);

– “Именно Ельцин впервые в российской истории актуализировал антиимперскую риторику и “разыграл русскую карту”, потребовав провозглашения суверенитета России, угнетаемой бременем советской империи” (ВН № 5, с. 213).

Храмов, разумеется, в открытую не призывает копировать этот опыт. Понимает, наверное, что на таком призыве потеряет возделанные политические очки. Он просто сделал выводы для себя. И пытается применить их на практике, действуя по аналогии: развивая и проталкивая в массы разрушительную “антиимперскую” теорию федерализма для русских регионов будущей России.

Прежде чем перейти к анализу этой теории, должен сказать несколько слов о коллизии “империализм – национализм”, возникшей в русском националистическом дискурсе вовсе не сегодня, а в середине 1990-х годов. Должен, постичь сам – живой и деятельный участник идейных баталий на сей счет.

2. ПРОТИВ ИМПЕРИИ И ФЕДЕРАЦИИ – ЗА РУССКОЕ УНИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Диалектика национализма и империализма

Лобовое противопоставление русского национализма и российского империализма (что характерно не только для Роули и ему подобных верхоглядов, но и для их российских аналогов) не только неисторично, но и недиалектично в философском плане. Оно упрощает, уплощает ситуацию, которая на деле гораздо менее однозначна. Недаром наиболее заметные в нашей истории массовые проявления русского национализма – будь то декабристы или меньшековский Всероссийский национальный союз – никогда не ставили под сомнение сам принцип российской имперской государственности, но всегда только ее характер “колонии наоборот”. “Нецарственный империализм”, по выражению самого Меньшикова.

Однако для малообразованных, но амбициозных “авторитетов”, как тот же Роули, преподанный нам Храмовым, истории русского национализма просто нет. Поэтому Роули в обоснование своей позиции ссылается не на Пестеля и Меньшикова, как оно следовало бы, а на такой же, как он сам, мутный вторичный источник – Джеффри Хоскинга, с некоторых пор популярного в российском националистическом дискурсе: “Российская империя в 1917 г. распалась по тем разломам, которые в ее ситуации были присущи империи с протяженными уязвимыми границами, растянувшимися между Европой и Азией. На протяжении трех столетий ее структуры были структурами мультиэтнической государственности, а не развивающейся нации” (ВН № 5, с. 219). Но это точка зрения крайняя и неверная, с грехом пополам выражающая лишь одну сторону диалектического противоречия.

Огульное отрицание империи очень легко ведет наиболее порывистых и легкомысленных русских к отрицанию государства вообще, к национал-анархизму. Между тем, государство соотносится с нацией как форма с содержанием, они существуют в неразрывном единстве: сущность должна быть оформлена, а форма – существенна. Нельзя отбросить одно, не отбрасывая другого. Отрицание государства не просто глупо, оно, бесспорно, философски противопоставлено всякому настоящему националисту.

Нет никаких реальных исторических оснований столь радикально разводить русский народ, “развивающуюся нацию”, – и российское государство, развивавшееся именно ею и с нею. Ибо только Российская Империя и ничто иное было с Петра Первого государственно-политической ипостасью русского народа, как до Петра ею было Московское царство, которое мы переросли. Это простой и неотменимый исторический факт: вот такая форма была у вот такого содержания. Гегелевская разумная действительность в чистом виде. Было бы содержание другим – может, и форма была бы другой; но – не случилось.

Имперское строительство вовсе не всегда и не по всем историческим и политическим векторам было оторвано от русских национальных интересов,

как нам сегодня пытаются втолковать. Векторы совпадения легко отследить, к примеру, хотя бы по направлениям русской народной колонизации, которая таки имела место быть – было бы желание ее видеть¹⁰.

Нет оснований и для утверждений, что имперское строительство ничего не давало русским, а только возлагало на них новые тяготы. Вопрос, как всегда, лишь в соотношении цели и цены. Ибо для русских, на протяжении всей нашей истории, проблема внешней экспансии на родную землю была главной, истинно роковой. И возникновение буферной зоны вокруг исконных земель уже самим фактом своего существования сопутствовало их главному интересу, отодвигая опасность от непосредственных этнических русских границ. О том, что означает для нас сегодня утрата этой буферной зоны, красноречивее всего свидетельствует русско-грузинская войнушка 2008 года, спровоцированная, смешно сказать, грузинами по указанию США, – совершенно фантазмагорическое обстоятельство, невозможное на протяжении всей истории русского народа! Рассказать бы кому в течение прошлых пяти столетий, что русский и грузинский солдаты будут стрелять друг в друга, что русские будут топить грузинский флот, угрожать маршем на Тбилиси! Вряд ли кто поверил бы. Но факт налицо. Между тем, как ясно каждому, “грузинская угроза” – не самое страшное последствие обрушения буферной зоны вокруг русского ареала.

Но разве только в создании буфера был положительный смысл империи? Можно вспомнить и про выходы к морям, Белому и Баренцеву, Балтийскому и Черному, Охотскому и т. д. Что, они не нужны были русскому народу?

Или вот яркий пример. Сибирь никаким буфером не была (оттуда нам никто не угрожал) и мореходностью не привлекала, но разве это лишнее приобретение? Мы знаем, за сколько было продана Аляска, но не помним об этом ежедневно, да и вообще склонны скорее забыть об этом неприятном факте. Продали и продали. А вот пусть-ка ответит мне оголтелый антиимпериалист, национал-анархист, обобщенный храмов-широпаев-хомяков, за сколько следовало бы продать Сибирь, без которой мы не победили бы Гитлера? Есть ли в мире такая цена? И чем такая продажа немедленно обернулась бы для русских?

Так нужно ли было имперское строительство русскому народу? Иногда, на мой взгляд, – нет (Польша, Закавказье, Средняя Азия, Аляска, Западная Украина), а иногда – очень даже! Стоило за него платить высокую цену, увеличивая бремя русских народных тягот? Иногда нет, а иногда – стоило!

Надо ли мечтать о повторении русского имперского опыта в будущем? Но это вообще не вопрос теории, а исключительно практический вопрос, зависящий от этнодемографического баланса – и только. Станет русским тесно на своих землях – русский империализм воскреснет сам собою, никого не спросив. А будем вымирать, вырождаться, – так даже и мечтать нельзя сметь ни о какой имперской экспансии, для нас смерти подобной! Свое бы удержать...

Есть и еще один момент, не учитываемый юными широпаевцами. Дело в том, что, даже отделив весь пограничный Кавказ, о чем они мечтают, Россия по факту все равно останется империей, поскольку выбрасывать из нее ни Татарстан, ни Башкирию, ни Якутию и т. д. ни одно разумное русское правительство никогда не станет. Хотя бы ради тех русских, что проживают на указанных территориях, но не только.

* * *

Коль скоро наше общество дозрело до обсуждения Русского национального государства, на первый план в повестку дня, естественно, выдвинулся вопрос о его оптимальных границах¹¹. Смею уверить верхоглядов всего мира, что победа русских националистов немедленно обернется:

во-первых, русской ирридентой (объединением всех земель, компактно населенных русскими, включая Белоруссию);

во-вторых, укреплением русской идентичности во всех российских регионах, включая присоединенные, и подавлением национал-сепаратистских движений, в т. ч. в русских регионах;

в-третьих, переходом от федеративного государства к унитарному;

в-четвертых, оптимизацией границ национально-территориальных образований внутри России в соответствии с картой этнического расселения и геополитическими интересами русского народа;

в-пятых, незамедлительным “абортированием” любых территорий, этно-политические угрозы от которых существенно превышают геополитические и экономические выгоды для русских.

Замечу попутно, что хотя не всякий патриот — националист, но всякий националист — патриот. Это аксиома из разряда азбучных.

По всей вероятности, кто-то назовет все это империализмом, но на деле ничего империалистического в этом нет: только русский национализм. Регенерация Русского национального государства, которое мы имели и которое потеряли в ходе неумного имперского строительства. Собираение русских земель заново.

Русским — всероссийскую субъектность

Вернемся к теме федерализма, как понимает ее РГС — симулякр русской национал-демократии. Первые подступы к этой теме Храмов сделал публично в статье “Российская Федерация как наследие Ленина — Сталина”, опубликованной в ВН № 4. Там, ссылаясь как на высший авторитет все на того же глуповатого Геллнера, он неожиданно объявил, ничтоже сумняшеся, такую резолюцию:

“Главная цель русского национализма как системы убеждений состоит в том, чтобы русские обрели свое политическое существование в виде своих национальных республик (или “штатов”) в составе федеративного образования, построенного на принципах равноправия и демократии, не сверху, а снизу, не из Москвы, а из регионов. На смену нынешнему российскому федерализму, чья основа, заложенная большевиками, осталась не затронутой постсоветскими реформами, должен прийти подлинный федерализм, учитывающий интересы русской нации”.

Я чуть со стула не упал, прочитав этот императив-оксюморон. Ибо учет интересов русской нации с федерализмом не совместим категорически. Ни с каким, будь он хоть трижды подлинный. Об этом кричит исторический опыт, причем не только отечественный¹². Недаром все русские националисты всегда считали федерализм губительным для России — вспомним хотя бы сочинения Ивана Ильина на эту тему¹³.

Было желание отреагировать на такой текст в журнале, членом редсовета которого я состою, быстро и резко: то ли написать немедленно отповедь, то ли выйти из состава редсовета, дабы не нести моральную ответственность за подобную ересь. Однако идущая следом, встык, прямо противоположная по содержанию статья уважаемого мною профессора МГУ Александра Вдовина “Унитаризм против федерализма”, по обыкновению глубокая и наполненная фактическим материалом¹⁴, меня успокоила, остудила. И я оставил храмовский опус без последствий, если не считать принципиального выступления на редсовете, правда, в отсутствие автора. А зря, как видно, потому что в результате на свет появилась упомянутая брошюра РГС про национал-демократию.

В цитированной статье Храмов не потрудился хоть как-нибудь обосновать свой дикий, неожиданный и ни с чем не сообразный пассаж. Он попытался это сделать в своей новой статье “Советские, россияне, русские... 150 лет назад русские перестали быть холопами, но так и не стали нацией” на сайте “Свободное слово”. Там он выдвинул такое требование:

“Дайте русским — как их дали всем остальным народам России — собственные национально-территориальные образования, за которыми будет закреплен их русский национальный статус. Только тогда и состоится признание русской политической нации. Зачем это нужно? А зачем вообще нужны национальные республики? Чтобы защищать “своих”...”

А кто сейчас в России защищает русских? Руководство какого субъекта федерации может в случае чего действовать от имени русских и выступить гарантом их прав?..

Ведь никто не знает, сколько просуществуют “россияне”. От “советского народа” ничего не осталось за несколько месяцев. И тогда, в 1991, русских, в отличие от армян или эстонцев, некому было защищать, потому что руководство СССР заранее отказало русским в праве на русские республики в составе Союза. Сейчас важно не допустить повторения той ситуации”.

Мы видим, как в этих храмовских построениях ловко мешается правда и ложь, верная посылка и неверные выводы. Но если информация на выходе не

адекватна информации на входе, значит, в самом черном ящике – дефект, встроенный туда либо по ошибке, либо с умыслом.

* * *

На самом деле Храмов задел едва ли не главную проблему, стоящую сегодня перед русскими: отсутствие у них субъектности. В мире нет такой инстанции, которая была бы правомочна в отстаивании этнических прав и интересов русского народа. И все попытки разных самостоятельных организаций этим заниматься наталкиваются на отсутствие у них мандата, легитимности. Пусть даже неформальной, как неформальны курултай и меджлис у крымских татар, что не мешает председателю меджлиса Мустафе Джемилеву быть принятым и услышанным не только в Симферополе и Киеве, но и в Москве и Вашингтоне, а также состоять в Организации непредставленных народов и наций (“аэродром подскока” к ООН).

Да, нам, русским, чрезвычайно необходимо создать такую инстанцию. Я бы сказал, не обинуясь, что такова наша задача номер один. Проблемой правосубъектности русского народа мы озаботились далеко не вчера. Еще в середине 1990-х в Госдуме при комитете по геополитике работал семинар “Нация и государство” (вел его Андрей Вячеславович Архипов), на котором мы обсуждали, как русским обрести свое полномочное представительство в России и во всем мире, вплоть до ООН. И с тех пор нами делалось немало подходов к теме, о чем Храмов не знает и знать не желает. История вопроса ему не интересна, поскольку вообще история начинается с него, это уж мы поняли.

Вопрос этот – сложнейший, с великим множеством подводных камней как естественного, так и рукотворного происхождения. Достаточно сказать, что кремлевский запрет на создание партий по национальному признаку, а затем и последовавший в 2003 году запрет на создание национально-культурных автономий для народов, не находящихся “в положении национального меньшинства” были направлены именно против русской правосубъектности, против попытки русских самоорганизоваться. Ведь не объединившихся в свои национальные партии хантов, манси или алеутов боится Кремль, да и у татар, меньшинством не являющихся и даже имеющих свою республику, никто татарскую НКА не отбирает. Сурков с присными совершенно правильно чувствует, откуда исходит главная угроза антирусской власти России, и планомерно отсекает русским все пути легитимации.

Итак, проблема обозначена Храмовым верно. Но, как понимает читатель, предлагаемое Храмовым решение в корне противоречит русским интересам.

Чьи права будет защищать глава какой-нибудь отдельной (удельной!) русской республики, хоть бы Калининградской или Новгородской? Всего русского народа? Как бы не так! В лучшем случае – своего местного электората, который только этого от него ждет и требует. Много ли сегодня тверитяне думают о жителях Приморья или Поморья?!

Как будто в этом наша цель – чтобы с помощью такой политики у нас выкристаллизовались калининградские русские, новгородские русские, тверские, московские и т. д. русские, с сугубо местническим сознанием населения и сугубо сепаратистским сознанием избираемых этим населением элит! Через десять-двадцать лет они уже и называть-то себя русскими не будут, а – как во времена “Слова о полку Игореве”: куряне, владимирцы, новгородцы. Уже сейчас идут поползновения отделить от единого русского целого – поморов, казаков, сибиряков; федерализация а-ля РФ их усугубит стократ. . . И единого русского самосознания на всем пространстве России не останется и в помине. И тогда уж точно никто не сможет защитить русских в Татарстане, Якутии, Башкирии, не говоря уж о Кавказе: просто некому будет это делать. Да и не захочет никто напрягаться ради каких-то “соседей”.

Нет, наша цель – прямо противоположна этому: она в том, чтобы была единая инстанция, защищающая права и интересы каждого русского на каждом квадратном метре всей России, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Делегировать эту обязанность в многие десятки рук – раздать по субъектам “русской федерации” – значит обречь ее на бесплодие. В этом нет и малейших сомнений. Не говоря уж о том, что считается с претензиями, допустим,

Твери по защите русских в Приморье или Поморье никто, конечно же, не станет: что такое и где такое эта Тверь? Кто услышит ее голос?

Русским нужно свое представительство, бесспорно, но оно может и должно быть исключительно всероссийским, не менее! А еще лучше – трансграничным, с учетом того, что как минимум 10 млн русских живет в дальнем, а еще 20 млн – в ближнем зарубежье. Так и только так правильно ставится вопрос.

Кстати, еще пустячок: не знаю, как у Храмова, а у меня предки холопачи не были: ни поморы Усть-Ваги, ни казаки Дона, ни потомственные москвичи. Такое отношение к русскому народу у юного человека, претендующего на национальное представительство, мне – не нравится. А вам, читатель?

3. ЧЕРНЫЙ ЯЩИК АЛЕКСАНДРА ХРАМОВА – АФФЕКТЫ И ДЕФЕКТЫ

Вот теперь, наконец, мы и подошли к пресловутой брошюре. Что же пишет в ней юное дарование Александр Храмов? Мало хорошего. Для удобства читателей разобью по пунктам свой анализ.

1. Ничего странного не вижу в том, что к брошюре взят убийственный эпиграф из сочинений Владимира Сорокина, стяжавшего себе славу литературного копрофага и лилипута, взбунтовавшегося от сознания собственного ничтожества против Гулливера – русской культуры, а потому старательно подгрызающего поджилки у нее на пятках. Этот эпиграф – квинтэссенция того мертвящего нигилизма, который составляет самую суть “творчества” сего эпигона навыворот:

“Что с Россией будет? – Будет ничего”.

Не знаю, о чем думал Храмов, давая такой настрой читателям, но вообще-то после такого основной текст и читать-то не хочется. Зачем? Если Россию и впрямь ждет какая-то черная дыра, тотальная энтропия, то лучше, как говорят в народе, просто “усратья и не жить”. Но, повторюсь, ничего странного в этом выборе я не вижу, ведь подобное тянется к подобному: рецептура храмовской брошюры – это и есть путь в черную дыру.

Взять себе эпиграф из Сорокина – все равно что помазать собственные ворота дегтем или еще чем похуже: заходите, гости дорогие!

2. Неудачный литературный ориентир вскоре дополняется неудачным ориентиром политическим. На вопрос “Кто такие русские национал-демократы? Кто вас поддерживает?” – Храмов дает ответ: “Мы – молодое поколение неравнодушных людей, которое задалось простым вопросом: почему у русской нации нет того, что есть у остальных европейских народов?”. И разъясняет: “Большинство из нас – студенты, аспиранты, офисные работники. Они же – наша целевая аудитория... всем им хочется западной свободы и европейского комфорта”.

Ориентация на Европу как на общественный идеал: что может быть неудачнее и ошибочнее для рождающейся русской нации – сегодня, когда омерзительная суть европейской экзистенции стала, наконец, доступна русскому обозревателю не со страниц коммунистической “Правды”, а непосредственно, на улицах и стогах? За последние десять лет я уже около 40 раз побывал в основных европейских столицах. Мне этого хватило, чтобы полностью солидаризоваться с позицией Патрика Бьюкенена, Гийома Фая, Дэвида Дюка и многих других современных пророков западного общества¹⁵, ушибленных очевидным фактом его безнадежной гибели. То, о чем сто лет назад предупреждал Освальд Шпенглер, сбылось с трагическим перехлестом, о чем свидетельствуют не только книги названных авторов, но, прежде всего, наши собственные глаза.

Вот только один факт. По расчетам ООН, европеиды, составлявшие в середине XX века 30% населения земного шара, к середине XXI будут составлять всего 15%. Это стремительно вырождающаяся, дегенерирующая по всем направлениям общность (один из ярких симптомов – полное творческое бесплодие в культуре, начиная с 1960-х). И виновата в этом исключительно внутренняя порочность, дефективность современного европейского менталитета, испорченного той самой жаждой “свободы и комфорта”, которую Храмов хвалит как доблестью. В то самое время как европейские народы в целом валятся в тартарары, весьма многие люди Запада персонально вполне благопо-

лучны в полном соответствии с храмовским идеалом и равнодушно наблюдают собственную гибель.

Не знаю, частый ли гость в Европе наш автор, но его восхищение Западом я не могу трактовать иначе, как атавизм советского диссидента. Конкретно — Хомякова и/или Широпаева, от которых, как видно, Храмов этим и заразился: с кем поведешься, от того и наберешься. А то, может, он проехался по туристической визе, полюбовался красотами Парижа и Рима (красоты Лондона под большим вопросом, кроме Трафальгарской площади и района Вестминстера, а Берлин и вовсе архитектурная помойка и казарма). Что ж, свобода и комфорт со стороны выглядят привлекательно: быть гостем в Европе, бесспорно, очень хорошо, ведь она сегодня вся — для гостей, званых и незваных. Но... не для хозяев!

Лучше бы Храмов потеснее общался с французскими, английскими, немецкими, американскими интеллектуалами, как это делаю я и мои соратники Анатолий Иванов, Павел Тулаев, Владимир Авдеев и другие, — поменьше бы оставалось иллюзий. Глядишь, и понял бы, насколько глубоко и бесповоротно отравлено ядом разложения все внешнее европейское благополучие. Понял бы, что европейцы самоуничтожаются, продав свое первородство за чечевичную похлебку — сиречь свой расовый приоритет за пошлый комфорт и свободу... деструктивного, асоциального индивидуализма. И не стал бы нам, и без того несчастливым нынче, прочить такое будущее.

Само собой, я отношу лишь к младенческому состоянию ума автора брошюры его убеждение, что “русские — это такой же европейский народ, как и все остальные. Мы не больше отличаемся от поляков и французов, чем они отличаются друг от друга”. Но достаточно просто поставить рядом Нотр Дам де Пари и киевский (новгородский) собор Святой Софии или храм Василия Блаженного, чтобы идиотизм данной максимы стал очевиден даже слепому. Не развиваю данный сюжет, надеясь вернуться к нему в отдельном тексте¹⁶.

3. Философская и методологическая основа брошюры Храмова также гнилая. Она стоит на ненадежном фундаменте ложных терминов и понятий, позаимствованных у западных обществоведов.

К примеру, на вопрос: “Что такое национальное государство?” — он отвечает прямо по Геллнеру и его единомышленникам: “Совпадение нации и государства — базовый принцип цивилизованного мира. Национальное государство — это государство, которому соответствует только одна нация, поэтому быть гражданином национального государства — это значит быть членом нации”.

Иными словами, он определяет нацию через гражданство, как совокупность граждан; и это — биолог! Кроме всего прочего, он впадает в порочный круг, определяя гражданство через нацию, а нацию тут же, с места не сходя, — через гражданство. Что творится в голове у юного дарования! Впрочем, он этого даже не замечает.

Мною было потрачено много сил и времени на выяснение вопроса о природе этноса, нации и национального государства. Чтобы не повторяться, просто отсылаю читателя к своим текстам¹⁷. Здесь только скажу, что мы с Храмовым находимся в параллельных мирах, и шанса пересечься и заговорить на одном языке у нас нет. Я глубоко убежден при этом, что его мир — фантомен, фиктивен и потому дефективен.

Но полемизировать с Храмовым по данному поводу бессмысленно, хотя бы потому, что это не его личная точка зрения. Просто он, как уже было отмечено вначале, начитался дутых авторитетов западной псевдонауки и перенял у них терминологию и аксиоматику, пропитался ими. Спорить надо не с ним, а с этими “хозяевами дискурса”, что я и обещаю читателю в ближайшее время.

Храмов не раз попадает впросак, встав на зыбкую почву невразумительной западной социологии. К примеру, он с наивной доверчивостью транслирует:

“Национальное государство не делает различий между своими гражданами (хотя само гражданство получить бывает непросто), в том числе по этническому признаку. Напротив, всем гражданам оно предлагает только одну, общеобязательную модель поведения — принадлежность к единой нации, к ее ценностям и культуре. Например, быть гражданином Франции — значит быть французом, даже если твои предки жили в Венгрии (как у нынешнего президента Николя Саркози) или в Армении (как у бывшего французского премьер-

министра Эдуарда Балладюра). Если же ты хочешь оставаться венгром – переезжай в Венгрию и говори там по-венгерски, хочешь носить хиджаб – уезжай в Алжир. В национальном государстве все граждане равны...”.

Но уродливость французской концепции нации настолько очевидно проявляется в жизни, что только совсем не дружащий с головой человек станет рекомендовать ее в качестве образца для других. И тот плачевный и постыдный факт, что на французский престол сел ныне – впервые в истории! – еврей, да еще венгерский, кричит об этом, может быть, громче всего. Национальным французское государство (как и США) является разве только в умах горе-теоретиков. А вот попробовал бы Храмов публично проповедовать данный абзац в подлинно национальном государстве Израиль! (Можете себе представить, чтобы президентом Израиля стал бы нееврей или хотя бы полукровка?!) Его в лучшем случае бы высмеяли, в худшем – закидали камнями.

Храмов продолжает: “Национальное государство, именно в силу того, что оно национальное, вправе потребовать входной билет, исходя из соображений национальной солидарности и ценностей национальной культуры. Если ты этнический немец или еврей – ты получишь гражданство Германии или Израиля”.

Но надо же ясно понимать: быть этническим евреем или немцем – это одно, а исповедовать национальную солидарность или ценности культуры – это совсем другое: объективное vs субъективное. Храмов этого показательно не понимает.

И так далее.

4. Противоречивость и алогичность – вообще характерная черта Храмова. Так, он вроде бы критикует известного вельможного русофоба Валерия Тишкова, по недоразумению возглавляющего Институт этнологии и антропологии РАН, за неумную пропаганду концепции “российской нации”, каковая, по словам Храмова, “придумана исключительно для того, чтобы не допустить разговора о правах подлинной, русской нации”.

Но чем он обосновывает свою критику? Да только “наличием в составе РФ национальных республик – Татарстана, Бурятии, Ингушетии и других (всего 21)”. Словно бы стоит только упразднить национально-территориальные образования в составе России – и не станет никаких препятствий для возникновения пресловутой единой “российской нации”. Или сделать еще проще: переименовать татар, башкир, ингушей в русских и получить в итоге “русскую нацию” – для аналогии Храмов приводит румын и итальянцев, чье самоназвание игнорирует инкорпорированные этнические меньшинства¹⁸. А Тишков и с ним президент Медведев, стало быть, всего лишь забегают вперед, будучи правы по сути, поскольку на самом деле никакой “подлинной русской нации” нет и быть не может. Вот уж дайте только упразднить национальные республики да назвать наше общее гражданство не “российским”, а “русским” – и все граждане сразу станут русскими, и будет у нас отличная русская нация, не хуже румынской или итальянской...

Бред? О, да! Еще какой!

Или вот еще противоречие. Храмов утверждает, не утруждая себя доказательствами: “Современная нация строится вокруг литературного языка, индивидуального самосознания, капиталистических отношений и народного представительства, а не вокруг пещеры, в которой спаривались наши гипотетические предки из числа древних и давно исчезнувших племен”.

Таким образом, важнейший для любого этноса (и нации как особой фазы этнического развития в том числе) признак биологической общности происхождения Храмовым отмечается с порога. Но тут же он примечает: “Любая нация строится вокруг этнокультурного ядра, поэтому границы любого национального государства четко обозначены и не могут расширяться бесконечно. Германия не может перенести границу на Восток, потому что там живут поляки, и не может перенести границу на Запад, потому что там живут французы”.

Где же логика? Ведь по Храмову выходит, что достаточно включить поляков или французов в состав Германии (т. е. именно “перенести границу”), дать им германское гражданство да научить немецкому языку – так они сразу же и станут немцами! Чего проще!

Вот на таких примерах как раз и видна вся фальшивость концепции нации как согражданства. Ты хоть какое полякам и французам гражданство дай, а немцами они не станут: происхождение не то, биология не та, генетика¹⁹. Как не стали немцами чехи, много веков проводившие под немецким владычеством,

имевшие немецкое (австрийское) гражданство и еще сто лет назад говорившие по-немецки больше и лучше, чем по-чешски.

Недаром даже название одной и той же территории варьирует в зависимости от того, кто его произносит, немец или француз: Эльзас или Лотарингия. И, хотя гражданство населяющих эту область людей менялось не один раз, немцы оставались немцами, а французы – французами.

Для того чтобы поляка или француза превратить в немца, как это было сделано со многими славянскими племенами, начиная с пруссов, их надо ассимилировать биологически, растворить в немецкой генетике, а вовсе не поменять им гражданство.

Этническое единство первично по отношению к языковому и культурному и не зависит от территориальности, экономических связей или подданства.

Азбука... Но Храмов ее не проходил.

Федерализм? Нет, национал-анархизм!

Вот мы и дошли до темы федерализма. Каким должно быть Русское национальное государство: унитарным, как думаю я и мои единомышленники, или федеративным, как полагает юный Александр Храмов (его учителя, Хомяков с Широпаевым, предпочли бы, конечно, сразу конфедерации, но она и так будет неизбежным последствием федеративности, только чуть позже)?

Храмов пытается опорочить унитарное устройство и возвеличить федеративное, но делает это бесконечно неубедительно. Пройдемся по его аргументам.

* * *

1. Свою атаку против централизованного государства Храмов начинает с уверения: “Управлять территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра – это утопия”. Он никак не объясняет свой тезис, просто ссылается на опыт Австралии и Канады, которые якобы “сопоставимы с Россией по расстояниям” (о том, что они не сопоставимы ни по количеству и качеству населения, ни по принципам экономики и политики, ни по истории, менталитету и традициям, он умалчивает).

Надо ли напоминать, что в течение семидесяти советских, особенно сталинских, лет управляемость всего огромного СССР (куда больше нынешней кургузой России) была на порядки выше, чем в любой другой стране мира, мобилизационные возможности нашей страны были вне всяких сравнений по любым критериям? Мы были самой управляемой страной всех времен и народов. Для Сталина, Хрущева, Брежнева и даже Горбачева управление “территориями от Калининграда до Владивостока из единого центра” – это была вовсе не утопия, а самая что ни на есть повседневная реальность. И страна при этом росла богатырским ростом. И росла бы и дальше, если бы Брежнев не проспал этот рост, а Горбачев вначале не злоупотребил, глупо и нагло, этой управляемостью, а потом собственными руками не разрушил ее механизм – партократию. После чего все как раз и рухнуло и вообще перестало управляться. Как из центра, так и на местах.

“Унитарное государство годится для Эстонии или Чехии (но даже Франция для него уже великовата), но не для таких крупных пространств”, – пишет юное дарование. Пусть бы он рассказал это нынешним весьма централизованным китайцам²⁰, сравнение с которыми для нас куда актуальнее, нежели с Австралией и Канадой.

Но еще и еще раз подчеркну: для того, чтобы эффективно управлять такой огромной территорией, нужна особая система управления. Нужен особый – гибкий, всепроникающий, безотказный – механизм, который один только в состоянии поставить под контроль бюрократию, олигархию и региональных бонз, наполнить бюджет и фонды, наладить более-менее справедливое распределение общественных богатств, спланировать развитие нации и страны. А именно: партократия, гениально изобретенная именно в нашей стране. Что мы и видим в том же Китае.

В наших условиях, попросту говоря, нужна власть всероссийской Русской Партии, как бы она ни называлась.

Но это Храмову в голову не приходит, да и придти, видимо, не может.

2. Храмов продолжает атаку:

“Сейчас в составе Российской Федерации насчитывается 83 субъекта, за вычетом национальных республик — 62. Это умышленно избыточное число: маленькими регионами легче командовать из Москвы.

В русском государстве — путем объединения ряда существующих российских регионов будет создан ряд более крупных русских федеральных земель/штатов/республик (назвать можно как угодно). Едва ли их число превысит два десятка. Границы, порядок и цели объединения должно определить само население путем референдумов (необходимо учитывать мнение не только населения областей и краев в целом, но и населения отдельных районов)”.

Здесь мы имеем, по уже ставшей привычной храмовской схеме, верную посылку и неверный вывод.

Безусловно, маленькими регионами управлять из центра легче: проще управиться со ста баронами, чем с двумя десятками герцогов. Но ведь это и хорошо! В этом — благо для страны в целом (последний яркий пример, демонстрирующий сказанное, — расправа кардиналов Ришелье и Мазарини с фрондой, истерзавшей, обескровившей и разорившей Францию за полвека феодального своеволия, игры алчности и честолюбий баронов, герцогов и даже принцев крови; величие этой страны, наставшее в результате укрощения фрондеров — сравним их с региональными элитами России, — хороший аргумент против храмовских идей²¹).

Храмов же предлагает все строго наоборот, как, кстати, и Юргенс с Медведевым, чтобы максимально затруднить единое управление. Враги народа, включая названных, должны быть ему весьма благодарны за такие рекомендации. Уже сейчас наши мобилизационные возможности вполне ничтожны по сравнению с тем, что было хотя бы четверть века назад. Но им этого мало, они требуют от послушного российского правительства — добить всякую управляемость нашей страной. Ну, и Храмов им подпекает дискантом — куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

3. Храмов дает конкретные рекомендации по обеспечению своеволия регионов.

В частности, пишет умилительную чепуху: “Русские регионы смогут соревноваться между собой и в защите русских за границами русского государства: кто создаст более благоприятные условия для репатриации этнических русских, кто больше вложится в русские национально-культурные объединения”.

Пройдя губернаторские выборы от звонка до звонка, я прекрасно представляю себе, что выскажет местный электорат тому кандидату, который обещает из местного бюджета выделять средства куда-то вовне, вместо того чтобы тратить на тот самый электорат! До финиша такой кандидат не дотянет — это сто процентов. А если на это пойдет действующий губернатор — не видать ему второго срока. В ходе избирательной кампании, когда боролся за пост губернатора Новгорода Великого, я русскую тему вообще не акцентировал (это за меня делали мои конкуренты и враги), понимая, что электорат озабочен насущным, а на русский вопрос ему в массе наплевать²². Степень общерусской солидарности в провинции наш юноша явно преувеличивает. Лавры Манилова, как видно, спать Храмову не дают...

Не знаю, почему Храмову пригрезилось, будто руководители русских регионов будут больше озабочены русским вопросом, да еще в масштабах всей России (не говоря о своем регионе), чем это сегодня демонстрируют Путин с Медведевым. Разве, скажем, династия Рахимовых так уж выражала интересы башкир? И разве вот это не маниловщина чистой воды: “Если некоторые национальные образования (например, Татарстан, Башкортостан и пр.) по итогам голосования будут сохранены и станут пользоваться большой автономией в рамках федерации, то за судьбу русского населения там не стоит беспокоиться. Руководство соседних крупных русских федеральных земель в случае необходимости найдет экономические и политические рычаги давления, чтобы защитить права и интересы русских”. С какой стати? Зачем им лишние неприятности и хлопоты? И какие же это рычаги? Весьма глупое предположение! Что, небогатая Саратовская русская республика начнет войну с богатым Татарстаном? Промышленная Свердловская — с нефтеносной Башкирией? Или блокаду им объявят? Нет слов!

Храмов, однако, продолжает мечтать, да еще как изысканно: “Возможно, в русском государстве будут более консервативные и более либеральные земли: где-то будут запрещены аборты, а где-то разрешены однополые браки. Желающие смогут перебраться в тот регион, законы которого им по душе”. Интересно, где же обнаружится наш мечтатель сам в этом случае? И какая из русских областей в итоге окажется в роли заказчика гомосексуалистов того или иного пола? Что-то я не припомню, чтобы еще кто-либо из русских националистов когда-либо выражал подобные чаяния²³. Вот оказия! С чего бы? Только тогда уж, надо полагать, такой союз земель быстренько заслужит в народе прозвание “Педерации”. Или, с учетом неумемного стремления в Европу, — “Педерляндии”.

Российским региональным ослам Храмов предлагает — и это мудро с его стороны — морковку: бюджетную автономию. Чтобы регионы сами распоряжались своими доходами: “Там, где деньги зарабатываются, они должны и тратиться (исключение составляют расходы на общенациональные нужды, такие, как оборона)”. Лакомо! Особенно для местных баронов и герцогов, которые получают вожделенную возможность дербанить то, что сегодня отнимает центр на общие нужды.

Надо ли объяснять, что из этого выйдет? Люди моего поколения отлично помнят, что распад Советского Союза начался именно с этого: когда республики стали требовать и добиваться в первую очередь перевода на хозрасчет. А раньше всех до этого додумались прибалты, понимавшие, что путь к независимости начинается с финансов. Литовец Снечкус первым сумел добиться, что часть выплат центру стала оставаться в Литовской ССР, за ним в очередь стали строиться другие... Чем кончилось — известно.

Но в данном случае встанет вопрос о разрыве уже не с нацменами, а внутри русского пространства. Вместо укрепления единства русского народа за счет совместного потребления всеми русскими во всей России доходов от российских недр (рассредоточенных по всей территории крайне неравномерно) или предприятий, строившихся в отдельных регионах за общенациональный счет при Советской власти (как тот же КамАЗ), произойдет стремительная имущественная поляризация регионов, которая повлечет за собой буквально переселение народов и, как следствие, перенаселение одних и запустение других областей. Это в первом приближении, не говоря о многом прочем негативе.

Храмов даже наглядно показывает, как это будет:

“Татарстану была предоставлена значительная автономия и право распоряжаться доходами от добываемой на территории республики нефти. Сибиряки надеются, что, став отдельной “национальностью”, они смогут добиться чего-то подобного. Выход тут только один — предоставить жителям Сибири автономию в статусе русских федеральных земель, что и предлагают национал-демократы. Русское национальное государство — это то государство, в котором русские смогут реализовывать свои права на самоуправление и достойную жизнь, не записываясь при этом в татар, сибиряков или чеченцев”.

В переводе на русский язык это означает, что без сибирских богатств сразу останутся все остальные, несибирские русские. Спасибо! И за это погиб Ермак? И о таком “приращении России Сибирью” мечтал Ломоносов?

Храмов грозит: “Русская национально-демократическая революция сокрушит грабительскую российскую вертикаль власти. Русское национальное государство будет строиться как федерация русских земель, связанных отношениями партнерства, равноправия и справедливости”. Примерный идеализм, хоть на выставку!

Но мы будем надеяться, что вертикаль власти устоит, иначе никакого партнерства, равноправия и справедливости (в наших условиях они могут быть только вынужденными, как показано выше) не будет и в помине, а будет просто хаос и крах всей экономики.

4. Иногда рецепты Храмова скрыто комичны по своей сути, чего автор не замечает. Он, например, пишет:

“Нужен не перенос столицы, а децентрализация и передача полномочий в регионы. Центром притяжения для всей страны не должен быть один-единственный город со столчными функциями, который высасывает из страны финансовые и человеческие ресурсы. Если такая столица-пылесос будет расположена не Москве, а, например, в Новосибирске, ситуация не улучшится.

Нужен не один, а 15–20 (по числу русских федеральных земель) центров притяжения и развития”.

Вместо одного пылесоса будет двадцать! Класс! Вот-то пылесосное сословие возликует!

Но ликовать придется недолго, поскольку единое государство в этих условиях быстро развалится, не имея возможности содержать общероссийские институты, армию и флот в том числе. А уж тут к нам явятся такие новые хозяева, что пылесосы быстренько перейдут из русских рук – в совсем другие. Собственно, Медведев этим уже озаботился, когда провозгласил уход государства из крупных предприятий и добывающих отраслей (нет сомнений, что акции, принадлежащие сегодня России, перейдут в руки заморских покупателей). Но, конечно, с отдельными “самостоятельными” регионами проделать эту операцию будет еще проще.

Комедия Храмова сильно отдает трагедией, не правда ли?

5. Вновь, в который раз, отмечаю странное устройство черного ящика (сиречь, мозга) Храмова: из верной посылки делается неверный вывод.

Вот он пишет, совершенно справедливо: “Российская Федерация, правопреемница СССР, унаследовала от него систему ассиметричного (по отношению к русским) федерализма. Разумеется, русская демократическая революция покончит с этой ситуацией”.

Все так, готов подписаться!

Но как Храмов предлагает покончить с противоестественным положением? Да только так, что эта противоестественность возводится в энную степень. Вы думаете, он предлагает отменить вообще ненужный русским принцип федерализма вкупе с национально-территориальными образованиями? Как бы не так! Пожалте:

“Каждая федеральная земля, образованная из существующих ныне краев и областей (их в составе РФ 63), будет наделена русским национальным статусом и войдет в состав русского государства как его неотъемлемая часть. Фактически это и будут те русские республики, которых советская и российская власть так и не дали русским”.

Шестьдесят три (!) русских государства вместо одного! Да о таком и Гитлер не смел мечтать, хотя нечто подобное и пропагандировали его лучшие министры!

* * *

Удивительно, как, начав с сетования на трудности управления такой большой страной Россией, Храмов пришел к последовательному изложению мер, непременно сделавших это управление уже совершенно невозможным в принципе!

Иными словами, перед нами никакой не федерализм и никакая не демократия, а чистойшей воды анархизм.

В полном соответствии с внутренней логикой дискурса.

Что и требовалось доказать.

О русском сепаратизме

У того учения, которое РГС распространяет под видом национал-демократии, есть (помимо национал-анархизма) вполне устоявшееся наименование: *русский сепаратизм*. Храмов – не один в поле воин и даже не зачинатель, и не корифей (пока) движения русских сепаратистов, украшенного именами Петра Хомякова, Алексея Широпаева, Ильи Лазаренко, Вадима Штепы и др.

Интересующихся отсылаю к замечательной и неизменно актуальной статье Андрея Борцова “Русский сепаратизм”, детально раскрывающей всю суть и подноготную этого движения. А чтобы проиллюстрировать сказанное, даю подборку фактов из названной статьи, ярко рисующих в целом то направление, к которому примкнули РГС и Александр Храмов лично. И куда они своими силенками пытаются контрабандно подтянуть национал-демократию.

“В Петербурге существует движение “Ингерманландия”, выступающее за независимость города. Отырвок из декларации: “Мы объявляем о начале строительства нового общества, основанного на принципах Декларации прав

человека и свободной экономики. Мы призываем всех, кто неравнодушен к судьбе Санкт-Петербурга и области, к судьбе своих детей и внуков, всех, кто разделяет наши взгляды, присоединяться к нашей созидательной деятельности. Работа предстоит большая и тяжелая, но время выбрало нас. Вместе – победим! Да здравствует вольный Санкт-Петербург! Да здравствует независимая Ингерманландия! За вашу и нашу свободу!”

Выглядит, конечно, смешно. Однако в свое время так же смешно, дико и нелепо выглядела возможность отделения от России Украины и Белоруссии.

Вот еще лозунги сепаратистов, так сказать, с других мест: “К enigsberg – вместо Калининграда! Tilsit – вместо Советска! Rauschen – вместо Светлогорска! Демократия – вместо сатрапии! Буржуазные Ценности – вместо ордынского “Третьего Пути”! ЕС – вместо СНГ!”...

Еще объединение сепаратистов: “Сообщество создано с целью популяризации сепаратистских устремлений среди граждан Кенигсбергской Губернии. Начинать демонтаж Эрефии – удобнее всего именно отсюда. Freies Ostpreussen – Свободная Восточная Пруссия”.

В Калининграде существует даже некая “Балтийская республиканская партия”, выступающая за отделение от РФ.

Существует идея создания некоей “Казачьей республики”:

“27 августа 2005 года в городе Челябинске сформирован Организационный комитет по созданию и государственной регистрации Федеральной Казачьей Национально-Культурной Автономии (ФКНКА). Оргкомитет возглавил атаман Исетского казачьего войска М. Н. Лонцаков. Статус этнической общности и организационная структура национально-культурных автономий в сочетании с законодательством о реабилитации репрессированных народов позволит казакам получить доступ к бюджетам всех уровней и независимость от местных и московских чиновников.

И если в обозримом будущем Россия останется Федерацией, то казачий народ обязан добиться признания своего законного права на национальное самоопределение сначала – в рамках реального казачьего местного самоуправления в местах их (казачков) традиционного компактного проживания, а в перспективе – восставив, как минимум, казачью национально-территориальную автономию, либо образовав в установленном законом порядке самостоятельный субъект Федерации – казачью республику”.

Я, между прочим, сам казак по происхождению (Хоперский округ) и прекрасно знаю, что казаки всегда отделяли себя от “мужиков” (обычных крестьян) на бытовом уровне, но при этом никогда не отделяли себя от русского народа в целом. А тут, оказывается, “этническая общность” появилась.

А вот лидер хит-парада – “Свободная Тверь”:

“Древняя история нашего города неразрывно связана с доблестным сопротивлением, которое он долгое время оказывал москальским захватчикам.

...Огнем и железом была создана русская народность, предназначенная удерживать людей в подчинении москальского престола...

И вот уже Тверь (точнее – Тверской одномандатный округ № 173) представляет в Государственной думе москаль из Академии МВД Владимир Васильев, причастный к жестокому уничтожению чеченских юношей и девушек вместе с заложниками в “Норд-осте”...

Довольно! Мы – не русские! Мы – тверичи – русского и украинского, татарского и башкирского, карельского, конголезского и сирийского происхождения. Мы не против жить в союзе с соседями, но хотим свободно договариваться об условиях этого союза, а не принимать диктат державного центра.

Программа-минимум: восстановление права Тверской области на избрание губернатора – из числа тверичей, а не заезжих варягов; повышение федерального статуса области до того, каким располагают республики в составе РФ.

Программа-максимум: выход Тверского края из сформированной насильственным образом Российской Федерации и создание нового, равноправного и свободного союза с теми регионами, которые этого пожелают.

Нет – империи! Даешь соединенные штаты России!”

Кстати, о Соединенных Штатах. Сепаратисты договариваются до призывов НАТО в Россию:

“...родственников среди номенклатуры у нас нет, т. е. в корпористему мы не входим, а поскольку держателем жизненного пространства является

именно она (достаточно сравнить уровень жизни любого из моих читателей – и уровень жизни обитателя “Рублевки”) – то мы, получаемся, самые натуральные голодранцы. Оффшорные нищерброды без кавычек.

Но тогда, следуя элементарной бытовой логике и здоровым принципам этноэгоцентризма (коллективного этнического эгоизма), мы должны кооперироваться не с режимом, а с его врагами. Любыми врагами. Американцам нужны ресурсы России? Отлично, они все равно не наши. Авось чего и нам перепадет. Да и в конце концов, надо же кремлинов проучить! Мечь – это святое.

Официально заявляю – в случае любого конфликта путинского жиртреста и стран НАТО считайте меня патриотом НАТО. Воевать не пойду, но чем могу, помогу белому брату.

Слава Бушу! Слава США! Слава НАТО!”

Обратите внимание на ход мысли. Для удобства распишу по пунктам.

1. Сепаратисты не входят в число богатого населения РФ.

2. Соответственно – не получают доли от распродажи России, а очень хочется.

3. И виновата в этом нынешняя власть. *Nota bene*: обвинение идет не в продаже Родины, а именно в том, что “с нами не делятся”.

4. Декларирована готовность к предательству (ресурсы-то все же страны, а не правительства) с мотивациями “авось поделятся из милости” и “главное – чтобы правительству хуже было, а что будет с народом – без разницы”.

“Говнорашка это наш прямой и явный враг, а вот НАТО – потенциальный освободитель... Будем надеяться, что НАТО поможет нам уничтожить антирусскую Говнорашку”.

Без комментариев. За одним исключением: заметил ли читатель какую-либо принципиальную разницу между тем, что изложено в этом обзоре, и тем, что пропагандирует Храмов? Я – нет.

4. ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ

В завершение расскажу о трех законах, которые мне удалось извлечь из изучения истории разных стран и народов по данному поводу. Это Первый и Второй законы элит и Закон о благе и зле федерализма.

Первый из них наиболее выпукло можно продемонстрировать на примере Латинской Америки (хотя он одинаково хорошо просматривается и на других многочисленных примерах, вплоть до распада СССР). Второй – на примере обеих Америк. А третий – на примере Древней Руси, поскольку это ближе нам и очень ярко и убедительно по сути (хотя, опять-таки, примеров очень много, включая вышеупомянутую фронду XVII века – попытку установить “французскую федерацию регионов”).

То и другое позволит показать абсолютную оторванность храмовских построений от реальной земной почвы.

Первый закон элит

Некогда Центральная и Южная Америка в целом подразделялись на две большие части: одна представляла собой колонию Испании, другая – Португалии.

Триста лет Испания и Португалия полновластно владели этими землями. Испанцы и португальцы – близкородственные этносы, понимающие друг друга почти без переводчика. В расовом отношении они практически неотличимы. Сходно у них, католиков, и отношение к миру, и модель поведения. В отличие от англо-саксов, они, сами будучи микстом, активно смешивались как с рабами африканского происхождения, завозимыми для обработки плантаций, так и с местными индейскими племенами, также в большинстве своем поработченными. Метисы и мулаты, в свою очередь, активно мешались между собой и т. д.

В итоге такого трехсотлетнего всесмешения во всем указанном регионе сложился более-менее цельный микст, создалась вторичная раса с единым национальным самосознанием (“мы – нация метисов”, – говорят латиносы), единой религией (все ревностные католики), более-менее единым романским языком (главным образом, испанским) и единой культурой, единым национальным характером, единым типом хозяйства, установленным метрополией.

В 1810 году в этих колониях вспыхнула война за независимость. Когда власть метрополий, Испании и Португалии, на всем огромном пространстве полутора континентов рухнула, ничто, на первый взгляд, не мешало созданию двух мощных супердержав в границах, соответствующих двум бывшим имперским владениям. Ведь ничто, кроме условных административных границ провинций, не разделяло этих людей, одинаково мыслящих, говорящих и поступающих, живущих в одинаковых условиях и по одним стандартам, исповедующих одну религию, ведущих единый тип хозяйства и даже использующих для себя один общий этноним²⁴. Они, казалось, просто обречены были на полное государственно-политическое единство, а как же иначе!

Однако никаких сверхдержав, вопреки всем самым благоприятнейшим условиям, не получилось. Границы провинций, еще вчера ровным счетом ничего не значащие и никого никак в действительности не разделяющие, границы условные и фантомные, выдуманные колонизаторами лишь для удобства управления, внезапно оказались непреодолимыми, несокрушимыми.

Сегодня на этой территории расположены не две великие страны, как можно было ожидать, а более тридцати. Большая часть из них невелики по размерам (кроме Аргентины и Бразилии) и являются суверенными только по документам, находясь в полной зависимости от более развитых стран мира.

Самое интересное, что все эти страны по-прежнему, как двести лет назад, населены более-менее единым этническим составом, говорящим на более-менее едином языке и обладающим более-менее единым менталитетом. Но они имеют самые разные режимы и, соответственно, гражданство. И никакого движения к объединению, слиянию на базе этнического, культурно-языкового, религиозного, хозяйственного, территориального и исторического единства они не проявляют даже в зародыше. Не сливаются, несмотря на очевидную однородность, — и все тут!

Это кажется противоестественным и противоречащим интересам населения этих стран, но факт налицо.

Спрашивается, как и почему, в то время как в Северной Америке разные штаты сложились в единую великую страну, в Южной — огромные и еще вчера единые колонии вдруг разделились на самостоятельные государства?

Движение за независимость берет свое начало в 1810 году, и состояние границ между провинциями именно на этот год стало статусом кво по умолчанию²⁵. Вот так и получило в один момент признание своих суверенитетов множество новых стран, еще вчера бывшее единой колонией Испании или Португалии и населенное более-менее однородной во всех отношениях этнической смесью.

На короткое время Симону Боливару удалось создать Великую Колумбию. А на юге континента сложились Объединенные провинции Рио-де-ла-Платы. Казалось бы, как хорошо! Но они просуществовали совсем недолго и развалились — в первом случае на Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, а во втором на Аргентину, Уругвай, Парагвай, Боливию. Особо должен подчеркнуть, что Венесуэла и Эквадор оторвались от Великой Колумбии, а Уругвай и Парагвай — от Объединенных провинций не просто так, за спасибо, а через кровопролитные, подлинно братоубийственные войны.

Почему?!

Потому что ни расово-этническая, ни географическая, ни историческая, ни экономическая и вообще никакая иная общность не способна противодействовать Первому закону элит. О котором, увы, ни Храмов, ни его учителя и единомышленники не имеют, как видно, ни малейшего представления.

Этот закон прост и гениален, ибо безотказно работает всегда и везде, никогда не давая сбой и не зная исключений. Его сформулировал Гай Юлий Цезарь, и звучит он так: “Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме”. Каждый, кто занимается управленческой работой, знает этот закон, но не умом, а спинным мозгом, поскольку он — в крови администратора любого уровня. Инстинкт, одним словом.

Латиноамериканские провинции еще вчера были всего лишь административными единицами единой империи (Испанской или Португальской). Но, добившись свободы, они не стали объединяться в единое государство именно потому, что сработал Первый закон элит. Вчерашние губернаторы при первой же возможности захотели стать президентами, королями, диктаторами и т. п. Потому что лучше быть полновластным владыкой в маленькой, нищей и зависимой стране, чем зависимым лицом в большой, сильной и великой держа-

ве. Их, по законам стайного существования²⁶, поддержало все ближайшее окружение, как военное, так и полицейское и административное, чтобы сохранить собственный высокий ранг.

Перед нами – зримая модель того, что немедленно будет с Россией, если дать веру и волю Храмову и его старшим и прочим товарищам. Первый закон элит тут же автоматически сработает с привычной неотвратимостью.

Нетрудно понять, что если рухнет или хотя бы существенно ослабнет власть центра, метрополии, власть Москвы, то границы русских областей, как это произошло в Латинской Америке двести лет назад, мгновенно станут непреодолимы и несокрушима, как бы ни были нелепы и несправедливы (например, в Татарстане, Башкирии, Якутии, Адыгее²⁷). Именно так, как это произошло при развале СССР. Счастье, если они останутся хотя бы прозрачны, в чем никакой уверенности нет.

Ничто не удержит единство нации и страны, как мы видим на примере Латинской Америки: ни этническое единство русских, ни общий язык, культура и религия, ни общая история, ни даже экономические выгоды и интересы, уповать на которые приучали нас марксисты. Большинство населения когда-то недаром проголосовало за сохранение СССР, понимая все пользы от этого, но голосование помогло, как мертвому припарки: республиканские элиты (российская в их числе) растоптали волю большинства и разорвали страну, не дрогнув.

Точно так же, не дрогнув, разорвут Россию элиты региональные. Федерация незамедлительно превратится в конфедерацию, а та – в какой-нибудь “Союз независимых русских государств”, в точности по модели распада СССР с последующим созданием СНГ. В каком-то Союзе, однако, примут участие далеко не все “русские республики”, часть из которых начнет территориальные, или ресурсные, или еще какие-то междоусобные войны, а часть из республик преобразуется в микромонархии или микродиктатуры (а кто помешает? кто проконтролирует? центра-то ведь нет или он слаб!) с правом вести международную политику, объявлять войну, печатать свои деньги, с монополией на внешнюю торговлю, со своей пограничной и таможенной службой и т. д.

Напомню, что в 1990-е годы Якутия, например, уже пыталась ввести свою таможню, а другие республики обзавелись своими конституциями и законами, без оглядки на центр, стремясь к полному суверенитету. К примеру, по татарским законам можно было стать гражданином Татарстана, не будучи гражданином России! И т. д. Только Путину удалось отчасти поставить зарвавшихся этнократов на место и привести к единому знаменателю все республиканские законы. Удалось во многом потому, что все республики инфильтрованы русскими, выполняющими де-факто роль главной скрепы страны.

Но если с короткого кремлевского поводка сорвутся русские области, никакие путины их удержать уже не смогут. Вы хотели бы, читатель, чтобы ваши дети гибли, к примеру, при отделении Ханты-Мансийского округа от Тюменской республики? Или за свободу Московской области от Москвы? Нет? Но ведь вас и не спросят!

Если бывший центр или какие-либо союзные структуры попытаются удержать “русские” силой в новом, чисто русском СНГ, опять же начнется война за право выйти из Союза. Как воевали Венесуэла и Эквадор (точнее, их властные элиты) за то, чтобы не остаться в Великой Колумбии. Можно уверенно предсказать, что процесс раздела не остановится на распаде России по нынешним границам регионов, а пойдет дальше и приведет к разделу Якутии, Красноярского края и еще нескольких, слишком больших административных территорий. Как это было в той же Латинской Америке, где число государств сегодня почти вдвое превышает число провинций, воевавших за свой суверенитет двести лет назад. Не факт, что этот раздел будет бескровным.

Нетрудно предсказать и роль в таком развитии событий заинтересованных держав: США, Западной Европы (в целом и по отдельности), Китая, Японии... Напомню, кстати, что на крохотных Японских островах расселено 120 млн этнических японцев: ровно в четыре раза больше, чем российского населения на всем пространстве от Урала до острова Беринга (менее 30 млн). О населении Китая в этой связи лучше и не вспоминать. Ни Дальневосточная, ни Сибирская, ни Уральская республики, буде они возникнут, не смогут защитить свое достоинство и своих людей, это более чем очевидно. И воевать,

если что, за свои интересы мировые державы будут, конечно же, на территории уже разделенной, но еще не поделенной между ними России.

Но, конечно, первоочередная задача для всех сильных мира сего – это разделение, расчленение России: “разделяй и властвуй” есть вековечная формула на все времена. Храмов и ему подобные, усиленно работая на эту идею, могут не задумываться и не догадываться, чьи интересы они в действительности обслуживают. Но это никак не меняет их реальной роли мелких агентов глобальных сил.

Надеяться, что “русские республики” сохраняют хотя бы тень независимости от внешнего мира, – наивно, глупо и нелепо. Мне страшно даже мысленно заглядывать в ту пропасть, в которой мы обнаружим себя при таком развитии событий. Широпаевцы (и Храмов со своим РГС в том числе) хотят не переделать в единое Русское государство антирусскую Эрэфию, а уничтожить ее, разорвать на много маленьких стран, антирусская сущность которых от этого нисколько не изменится. Кто, кроме хищников и бандитов, захвативших сегодня власть в регионах, скажет им за это спасибо? Только еще большие хищники и бандиты – но уже международного класса.

В тотальном проигрыше окажется в своей массе тот самый русский народ, о благе которого заботливо печется юный Храмов, желающий освободить русских от “грабительской российской вертикали власти”.

Очередная утопия, как обычно, будет стоить нашим детям крови, и немало. И тогда слова Егора Холмогорова о том, что “на осколках РФ состоится масштабный геноцид русских, – геноцид таких масштабов, которых история никогда не знала”, могут обернуться зловещим пророчеством.

Закон о благе и зле федерализма

Что такое “федерализация” нашей страны, мог и должен бы понимать каждый русский человек на убедительном примере Древней Руси. Но мы об этом не задумываемся. А зря. Бросим быстрый взор на нашу историю, которая, похоже, никого ничему так и не научила.

Древняя Русь была вполне унитарным государством. Об этом позаботились Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, собравшие и державшие под своей властью летописные племена. Хотя сам момент призвания Рюрика пятью племенами – двумя славянскими и тремя финскими – есть как раз момент типичного федеративного объединения в соответствии с главным принципом федерации “*e pluribus unum*” – “из многого единое”. Но раз сложившись, это единство сомнению и разложению уже не подвергалось; Русь вплоть до Святослава, Владимира и Ярослава оставалась унитарной.

Даже попытка древлян поднять бунт против Игоря не имела в виду отложения древлянского княжества от Киева: убив верховного властителя, древляне тут же попытались не выйти из-под центральной княжеской власти, а женить своего местного князька Мала на овдовевшей Ольге, чтобы ему править всей Киевской Русью, как правил убитый князь. Но Ольга с этой ролью отлично справилась сама. Жестоко и напоказ раздавив остатки древлянской “самостийности”, она тем дала суровый урок всем прочим подвластным племенам. После чего немедленно отправилась в самый отдаленный и проблемный регион, на Новгородчину, где твердой рукой провела перераспределение и инвентаризацию земель и их налогообложение. Показала, кто в русском доме хозяин: никто и не пикнул. Ни о какой федерации в то время не могло быть и речи.

Именно унитарный, по большому счету, характер Киевской Руси (наличие вассалов-посадников в крупных городах этому не противоречит) обеспечивал военную мощь и огромные мобилизационные возможности киевских князей. Они не раз сотрясали даже стены Цареграда-Константинополя, в лоск разгромили Хазарский каганат, овладевали Херсонесом и владели Тмутараканью. О том, как резвились славяне и русы на византийских и болгарских землях, есть леденящие кровь рассказы в писаниях Прокопия Кесарийского, Льва Диякона и других авторов. В 1076 г. Владимир Мономах совершил успешный поход против немецкого императора Генриха IV: русские войска с боями прошли Богемию и остановились только в Силезии. Не раз воевали Польшу. И т. п. Монархи ведущих европейских стран считали за честь породниться с Киевом.

Но скоро этому могуществу пришел конец – и именно потому, что киевские князья стали делить собственное государство на части, “федерализо-

вать” его. Они делали это (как и Храмов собирается) из самых лучших побуждений: чтобы не обидеть никого из родных сыновей. Но последствия этих “благих” дел были ужасны для всей страны.

Смерть Святослава, оставившего трех сыновей на трех престолах, не привела к сепаратизму и распаду страны только потому, что сыновья быстро провели смертельную схватку за центральный престол, за Киев. Никто не хотел быть правителем второго сорта, питая надежду владеть всей Русью целиком. Братоубийственная война закончилась смертью двух старших братьев и вокняжением Владимира, который правил железной рукой и никакого сепаратизма не допустил, удержав унитарный характер правления.

Взятие Полоцка, в ходе которого самостоятельная, не от Рюрика, династия полоцких князей была зверски уничтожена (Владимир на глазах княжеской четы вначале изнасиловал их дочь Рогнеду, а потом убил родителей на глазах только что поруганной девушки), была показательной расправой над самой идеей сепаратизма.

Однако именно в это княжение первым в нашей истории знамя русского сепаратизма поднял сын Рогнеды Ярослав, ненавидевший своего отца и попытавшийся впервые отколоть Новгород от Киевской Руси, перестав платить отцу урок (дань). Владимир немедленно стал готовить карательный поход против сына, чтобы вновь раздавить сепаратизм в зародыше, но внезапно скончался.

Смерть Владимира, имевшего двенадцать сыновей от семи “водимых” (законных) жен, поначалу поставила под угрозу единство страны. Снова забрезжил призрак федерализации, а то и распада. Однако Ярослав унаследовал-таки киевский престол, как когда-то отец, перебив, изгнав и пережив многочисленных братьев, и правил затем единолично, ни с кем не деля своего полновластия.

О государственном единстве (унитарности) Древней Руси в те века красноречиво говорит тот факт, что судьбой далекого Киевского престола дважды распорядились новгородцы, посадившие на него вначале Владимира Святославича, а потом и Ярослава Владимировича, даже вопреки воле последнего, собравшегося уж было бежать за море от брата Святополка. В то время новгородцы явно чувствовали себя частью единого государства и единого народа, имеющими свою долю в общей судьбе, а значит, и право в нее вмешиваться. Отдельные аномалии (Полоцк, Псков) как возникали, так и исчезали.

Но в конце жизни Ярославу Мудрому явно не хватило мудрости: презрев жестокие уроки, полученные отцом и им самим, он вновь раздал сыновьям уделы.

Так возникла-таки первая русская федерация. Что из этого вышло?

Со смертью Ярослава Киевская Русь почти сразу же распадается на княжества: Киевское, Черниговское, Переяславское, Полоцкое... В Новгороде, Пскове и Вятке власть берет вече (это уже шаг к конфедерации).

И тут же начинаются феодальные войны, кровавые усобицы, как и следовало ожидать.

Лиха беда начало: дробление русских земель, естественно, продолжалось, уделы множились: Черниговское княжество распадается на Черниговское, Новгород-Северское, Путивльское, Курское, Рьльское, Трубчевское; Полоцкое – на Витебское, Минское, Слуцкое; и т. д.

Киев стремительно теряет контроль над Русью в целом. А в 1169 году случилось и вовсе беспрецедентное событие: коалиция русских князей (“федератов”, в терминах нашего времени, а то и “конфедератов”), возглавленная Андреем Боголюбским, захватила и дотла разграбила “мать городов русских”. Для них это уже была не древняя высокочтимая русская столица, а чуть ли не вражеский город, с которым надлежало поступить по закону военного времени. Андрей даже не пожелал сесть на “золотом столе”, как его предки, и остался в Боголюбово.

На короткое время некоторая централизация Северо-Восточной Руси произошла при Всеволоде Большое Гнездо (1154–1212). “Слово о полку Игореве” отразило общерусский авторитет Всеволода; в летописях его именуют “великим”; даже киевский митрополит проводил политику по его указаниям. Но после смерти Всеволода вокруг его наследия развернулась борьба, в которой приняли участие многие русские князья, включая киевского Мстислава Удалого. Владимиро-Суздальское княжество поделили три сына покойного князя, вскоре сошедшиеся в смертельной схватке – т. н. Липецкой битве. Та же ис-

тория! И это могучее княжество в итоге развалилось на уделы: Ярославский, Переславль-Залесский, Тверской, Угличский, Ростовский, Белозерский, Суздальский, Нижегородский, Галицкий (Мерский), Стародубский, Московский, Юрьев-Польский и др.

Настали неизбежно времена, когда владимирцы, киевляне, новгородцы, тверитяне, москвичи и т. д. обзавелись сугубо местническим, “региональным” самосознанием, забыв о своем общерусском существовании. Расплата не заставила долго себя ждать.

Вскоре, когда пришли татаро-монголы (жестко централизованная и четко отобилизованная система), удельная Русь противостоять им уже не могла. Те наши земли, что не подмяли под себя татары, – тут же прихватили Польша и Литва, образовавшая т.н. Литовскую Русь, ориентированную на Запад. В том, что феодальная раздробленность (читай: федерализация) Руси была главной причиной ее гибели, никогда не сомневались ни современники, ни потомки²⁸.

Всего за какие-то 200 лет, прошедшие от смерти Ярослава, расплывшегося первого удела, до татарского завоевания, огромная и могущественная страна, чей голос имел вес в концерте европейских стран от Константинополя до Упсалы, превратилась в колонию (поначалу – и вовсе в систему колоний, в соответствии с удельной структурой), не имевшую независимой внешней политики. Все бесчисленные протори и убытки, чудовищные жертвы русского народа, отбросившие нас от магистрального пути европеоидной расы на обочину, обрекшие на догоняющий путь развития со всеми издержками, – это плод той древней федерализации унитарного государства Киевской Руси.

Разделить единую страну было легко, на это хватило лишь духовного завещания киевского князя. Сложить потом вновь унитарную Русь было куда трудней и обошлось очень дорого. Все безобразия удельной системы, разнузданное Ярославом “Мудрым”, было в целом ограничено только спустя четыреста с лишним лет Иваном Третьим, а вконец сломано лишь его внуком.

Но почему после смерти Василия Третьего не состоялся реванш федерализма? Ни при регентше Елене Глинской, ни в отроческие годы Ивана Четвертого? Почему Москва устояла и сохранила власть над всей Русью? Почему за целых пятнадцать лет никто из удельных князей не покусился ни на правящую династию²⁹, ни на централизованное государство, не отложился от центра?

Потому что все русские люди еще очень хорошо представляли себе пагубные последствия этого, страшились нового распада, как огня, и ни за что не пошли бы на такой самоубийственный шаг, не поддержали бы сепаратистов. Исторический век феодальной раздробленности объективно закончился, и возврата к старому быть не могло. Надо быть экстремально глупым, чтобы не учиться на собственных ошибках (это относится как нашим поумневшим предкам, так и к их поглупевшим потомкам – Хомякову, Широпаеву, Храмову и К^о).

Урок прост и ясен. Он состоит из двух тезисов:

1) федерация, собранная в единое целое из прежде разных частей, как собрали Рюрик и Олег все летописные племена в единую Русь под своей эгидой, как собрали Соединенные Штаты Америки или Германскую Империю, – это хорошо;

2) федерация, полученная дроблением единого целого на разные части – плохо.

Вместе эти тезисы – и есть Закон о благе и зле федерализма.

Второй закон элит и Россия

В данной связи вновь вернемся к вопросу: как и почему в то время, как в Южной Америке огромные и еще вчера единые колонии вдруг разделились на самостоятельные государства, в Северной – разные штаты сложились в единую великую страну? Причем утверждалось это единство также через войну – долгую и кровопролитную войну Севера против Юга, федералистов против конфедератов³⁰? Почему в одном случае люди воевали за государственное единство, а в другом – за выход из него?

Дело в том, что Север представлял собой в целом регион промышленного и банковского капитала, а Юг – землевладельческого. Развитый национальный капитализм Севера, дозревший до стадии империализма, требовал единого пространства для перемещения товаров и капиталов. И принудил к этому единству Юг. Подлинная элита американского Севера времен Линколь-

на – это уже не региональная управленческая элита Вашингтона или какого-либо штата, а представители крупного капитала, чьи империалистические амбиции простирались далеко за пределы административных границ. Понимание ими экономических выгод единства страны нашло свое выражение в финансировании соответствующих политических и военных проектов. Капитал северных штатов уже мог диктовать свою волю политикам и генералам – и ломать волю местных элит, вечно жаждущих полного всевластия в своем гнезде³¹.

Дело в том, что Второй закон элит гласит: “Лучше быть первым во всей стране, чем в отдельной провинции” (формулировка моя). Объединители США хотели и могли первенствовать в масштабах не только Севера, но и всей будущей державы. Соответственно, у политиков, за спиной которых стоял этот капитал, появились свои супершансы.

С тех пор североамериканская финансово-промышленная элита как субъект истории неуклонно расширяла и существенно расширила-таки зону своего влияния.

Однако ни на Юге будущих США, ни в Центральной и Южной Америке такого капитала и таких амбициозных финансово-политических элит не было. А у тех, что были, амбиции не простирались далее границ своих провинций. Результат налицо.

Нет их сегодня и в современной России. Удержать нашу страну от распада, если он начнется, будет просто некому: слабенький русский национал-капитализм до этого (до стадии империализма) еще не созрел. О чем убедительно свидетельствует уродливый и, на первый взгляд, противоестественный феномен русского сепаратизма.

РЕЗЮМЕ

Как успел заметить читатель, исторический опыт федерализации единых некогда государств – зловещий симптом, предвещающий их скорый распад и кончину.

Конечно, возврат сегодня, после развала СССР на национальные государства, к мечтам о единой и неделимой России времен Деникина и Колчака – чистой воды анахронизм. Я противник идеи восстановления СССР или Российской империи. Нам чужого не надо.

Но и свое мы отдавать не хотим и не будем: русские люди должны жить в своем едином (унитарном) и централизованном государстве. У русского народа должна быть одна страна, одна голова, одна судьба – только тогда он, возможно, уцелеет в грядущих испытаниях. Русское Движение именно этот лозунг должно сделать своей ясной целью.

Сегодня Россия есть русская страна с антирусской властью. Нам, русским националистам, надлежит взять в ней всю власть, чтобы преобразовать ее в Русское национальное государство – “для русских и по-русски”, как завещал великий русский патриот. Это возможно, понятно, только при наличии единого сильного русского центра.

Что же касается федерации, то нам и эта-то, действующая, федерация обрыдла, достала нас своей противоестественностью. От нее надо отказаться в пользу единой централизованной державы по образцу республиканского Рима.

* * *

Есть еще одна причина, по которой я взялся за перо.

Почему Храмов так легко жертвует единством централизованного русского государства, созданного с таким трудом и с такими жертвами перед лицом могущественной необходимости?

Он просто не понимает, зачем оно нужно. Он ставит именно этот вопрос: “Зачем нужно русское национальное государство?”. Но дает на него вот такой примитивный, на уровне пятиклассника, ответ:

“1) Только руководство русского национального государства сможет защитить русских в условиях масштабных внутренних миграций... .

2) Не менее важно русское государство и в условиях внешней миграции... .

3) Национальное государство отстаивает интересы нации и за пределами своих границ... .

4) Только русское государство способно целенаправленно вкладываться в русские территории и русское население, не расходуя деньги на бессмысленные имперские амбиции”.

Это все, что есть у него за душой. Я не охотник исследовать примитивные ответы на сложные вопросы. На тему государства, его необходимости (или, напротив, – ненужности, в системе анархистов) и т. д. написаны горы трудов. Я не хочу и даже права не имею погружать читателя в эту бездну цивилистики. Да этого и не требуется, чтобы с первого взгляда и так понять: перед нами – детское, девственное сознание, претендующее на решение глобальных проблем. Хлестаков и Шариков в одном лице, как и было сказано.

Наивность, скажет читатель? Простота, что хуже воровства, отвечу я.

Как говаривал Гегель, истина одна, и она конкретна.

И она – не у Храмова, добавлю.

Раздражает не столько глупость и однобокая образованность Храмова, крепко подкованного... на одно копыто. Сколько именно эта убойная наглость, апломб нечеловеческий, претензии, пресловутое библейское хамство, неосторожно возвращенное редакторами “Вопросов национализма”.

Пугает, что о национал-демократах уже начинают повсюду судить и рядить, исходя именно из подобных безапелляционных писаний, замазывая при этом грязной ни в чем не повинных деятелей Русского движения, которому медвежьи услуги юного дарования могут дорого обойтись.

Ибо хомяковы, широпаевы, храмовы под видом борьбы с имперской идеей и прикрываясь чуждой им на деле маской “национал-демократии”, ведут борьбу именно с Русским национальным государством, которого пока еще нет. В превентивном, так сказать, порядке, зарабатывая политические гранты и бонусы у исконных врагов России, мечтающих о ее расчленении. Тот факт, что все последнее время внутренняя политика нашей страны целиком диктовалась внешними обстоятельствами, учтен этими горе-политиками хорошо, даже слишком.

Если их идеи возобладают или будут приняты к руководству правителями России, то Русского национального государства не будет никогда, разве что в карликовом и марионеточном – курам на смех – варианте. А счет невинным русским жертвам пойдет опять на миллионы.

В этой ситуации со стороны подлинных национал-демократов, да и всех иных участников Русского движения, прекраснотушие и политическая близорукость – слишком большая, непростительная роскошь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://holmogor.livejournal.com/4075463.html>.

² http://www.kavkaz-news.info/portal/cnid_82534/alias__Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx.

³ См. в кн.: Севастьянов А. Н. Уклоны, загибы и задвиги в русском движении (М., 2011).

⁴ *НВ*: с 2006 г. (с 18 лет). На сайте русских сепаратистов “Дебрянский политический клуб “Пересвет”” Феоктистов недавно признался насчет будущего России: “Я допускаю любой вариант развития событий – от создания конфедерации до введения оккупационного режима правления. Сам я сторонник федеративного государства”.

⁵ На эту тему см.: Александр Севастьянов. Национал-демократия – не национал-социализм. К истории вопроса. – *Вопросы национализма*, № 2, 2010.

⁶ Читал в электронном виде, вышла ли она на бумаге, я не знаю, поэтому не даю ссылок на страницы.

⁷ В этом всякий может убедиться, ознакомившись хотя бы с такими исследованиями последних лет: Д. А. Коцюбинский. Русский национализм начала XX века. – М., РОССПЭН, 1998; Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. – М., РОССПЭН, 2003; Н. А. Митрохин. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М., Новое литературное обозрение, 2003; А. И. Байгушев. Русская партия внутри КПСС. – М., “Алгоритм – Книга”, 2005. И др.

⁸ Вслед за Роули (а Роули вслед за легионом клеветников) Храмов тиражирует такую, например, давно разоблаченную и донельзя примитивную ложь: “Советская империя действительно, как пишет Роули, распалась из центра: русские более не захотели нести на себе имперскую ношу... Отсутствием русского национализма

можно наиболее убедительно объяснить коллапс самодержавия, в то время как наличие русского национализма сыграло ключевую роль в коллапсе Советского Союза” (ВН № 5, с. 213–214). Зачем Храмов это делает? Чтобы успешнее экстраполировать эту ситуацию в наши дни.

⁹ Подробный анализ этого обстоятельства надеюсь дать в специальной статье.

¹⁰ Разве имперский вектор всегда и во всем был антинароден? В отношении Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Прибалтики, Крыма и Новороссии, предгорий и равнин Кавказа, Кубани – это, безусловно, не так. Антинародным, династическим можно считать лишь империалистическое движение в Польшу, Финляндию, Туркестан, горный Кавказ, Закавказье. Рекомендую источник: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. – М., МГУ, 1996.

¹¹ Этот вопрос давно рассмотрен в националистических дискуссиях. Итоговые выводы отражены в карте “Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса” и моих комментариях к ней.

¹² Из 44 федераций, что были образованы на Земле за последние 200 лет, удержали свою форму лишь 17 (пока); а большинство – 27 – либо распались, либо стали унитарными (см.: Фарухшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Казань, 1998, с. 99).

¹³ Например: Ильин И. А. Федерация в истории России // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – М., 1992, в 2-х тт. – Т. 1. Обзор мнений русских мыслителей на тему государственного обустройства России (федерализм – унитаризм) см. в ст. А. Н. Вдовина.

¹⁴ Лейтмотивом статьи Вдовина можно считать приведенную им цитату из работ видного русского дореволюционного профессора-государствоведа А. А. Жилина (1912): “Превращение России в союзное государство, по нашему глубоко убеждению, было бы гибелью этого государства”. Мысль, правоту которой блестяще подтвердила конечная судьба федеративного СССР.

¹⁵ Я бы не стал игнорировать также труды крупных отечественных мыслителей А. А. Зиновьева, О. А. Платонова, И. Р. Шафаревича и др. на сей счет. Храмов берет под сомнение знаменитый прогноз Шпенглера на том основании, что “промышленный рост в развивающихся странах несколько снизил удельный вклад Европы в мировой ВВП (с 37% в 1950 до 25% к концу второго тысячелетия), но европейские страны до сих пор остаются мощнейшей экономической силой”. На мой взгляд, это глубоко ошибочное, безрассудное суждение, основанное на не имеющем отношения к делу экономическом факторе. Ибо дело-то все в том, что на Западе становится просто противно жить. Жизнь там устроена неправильно, плохо. Этого никаким промышленным ростом не прикрыть и не исправить. Случись мне покинуть Россию, от чего боится Бог, я поеду доживать свой век в Индию, Непал или Китай, где жить приятно, но никак не в Европу. Ибо созерцание агонии близкого родственника, пораженного лепрой и гниющего заживо, весьма не здорово для психики, даже если есть при этом вкусных устриц, ходить по музеям и любоваться с Монмартра красивыми видами. Шпенглер был, конечно же, прав, а точку поставили Дюк и Бьюкенен.

¹⁶ В недавно вышедшей книге, предназначенной для иностранных студентов с целью адаптировать их к “загадочной русской душе” и помочь избежать недоразумений в России, насчитывается сто (!) позиций ментального несовпадения между русскими и европейцами. Позиций, требующих объяснения, разъяснения, согласования. См.: Сергеева А. В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. – М., Изд-во ЗАО “Русский язык”, 2010.

¹⁷ Рекомендую для начала хотя бы такие: 1) Этнос и нация. – М., Книжный мир, 2008; 2) Национальное государство. – Национальная газета, № 6–10 (96–100), 2006; Русское национальное государство: “рай для своих” или “лавка смешных ужасов”? Критика критики национализма. – Политический класс, № 4, 2008. Но в первую очередь, конечно, – проект конституции Русского национального государства (“Русский проект”, 1998).

¹⁸ Логическая ловушка, в которую попал Храмов, понятна: с точки зрения внешнего мира все россияне тоже – “русские”, без вычленения татар, чеченцев или евреев, как и нам со стороны все жители Румынии кажутся румынами, а Италия – итальянцами. Но это мнимое, условное единство: попробуйте-ка внушить чеченцу или шапсугу, что он на самом деле – русский, а румынскому венгру – что он румын!

¹⁹ Только что закончив обстоятельное рецензирование фундаментального исследования Е. В. и О. П. Балановских “Русский генофонд на Русской равнине”, я осмеливаюсь это утверждать на твердом основании.

²⁰ Слепота Храмова видна хотя бы из того, что он по старой памяти зачисляет Китай – в некий “третий мир” (каким он был в 1960-е), не видя в упор, что эта ве-

лика страна давно уже рассталась с временно отсталым прошлым и уверенно пошла на обгон лидера “первого мира”. В сегодняшних реалиях к бывшему “третьему миру” куда ближе Россия.

²¹ Очень рекомендовал бы всем сторонникам идей Хомякова-Широпаева-Храмова почитать мемуары кардинала Ришелье или хотя бы парижского коадьютора де Реца, благо они изданы по-русски. Они бы все поняли раз навсегда про фронду и неуклонно порождающие её мотивы баронов и герцогов.

²² И был совершенно прав! В результате я уступил только действующему губернатору, на которого работали все ресурсы области, и директору Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, вложившему в выборы 1 млн долларов (я вложил 7 тыс.) и обогнавшему меня на 0,25% голосов.

²³ Возможно, Храмову следовало бы не в национал-демократы, а в либертарианцы записаться. А я-то еще гадал, что значили его таинственные слова: “Мы либеральнее патентованных “либералов”... Путь Храмова оправдать и реабилитировать либерализм в России, чем он усиленно занимался не только в брошюре, но и в статье “Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма” (ВН № 2, 2010), напоминают старания Баркашева по отмыванию свастики: демагогия чистой воды. Везет же нам!

²⁴ Вторичная раса “метисов” к этому времени уже сложилась. Симон Боливар в 1819 г. высказался с острым пониманием этого собственного единства и своеобразие: “Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским, он скорее являет собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев... Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами, а последние – с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению, наши отцы – иностранцы, люди с разным цветом кожи”.

²⁵ Испании, занятой войсками Наполеона, было в тот момент совсем не до колоний, и она не вмешивалась в их раздел.

²⁶ Эти законы хорошо описаны экологами. См., например, в кн.: Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы (любое издание).

²⁷ Из чтения своего кумира Бенедикта Андерсона Храмов мог бы почерпнуть и такой поучительный пример, как попытка переформатировать Австро-Венгерскую империю (чтобы спасти ее, продлить ей существование хотя бы в превращенном виде) в федерацию: Соединенные штаты Великоавстрии (СШВА). Но из этой затеи вышел пшик: национальные элиты, вызрев и дозрев до той стадии, когда могли взять управление на себя, разорвали страну без сомнений и жалости, действуя все по тому же Первому закону элит. Хороший урок для нас, если уж мы так глупы, что не способны учиться на собственном горьком опыте. Вообще, наличие нескольких государств, где большинство состоит из говорящих на немецком языке этнических немцев (Германия, Австрия, Швейцария), предупреждает нас о том, что может постичь единую нацию. Для нас, русских, сегодня аналогом является отпадение Белоруссии (отчасти и Украины, и Казахстана). А что будет завтра?

²⁸ Точно так же раздробленная на феодалы и провинции Франция не смогла противостоять поначалу экспансии более централизованной Англии, а раздробленная на княжества Германия на тридцать лет превратилась в “территорию охоты” для итальянцев, испанцев, французов, шведов и пр., грабивших, убивавших, насиловавших, терзавших...

²⁹ Отравлена была чересчур самовластная Елена Глинская, но не ее сын, будущий царь Иван Грозный.

³⁰ Кстати, единство Германии было обеспечено также не без военных успехов Пруссии, добившейся своей гегемонии среди немецких княжеств как дипломатией, так и вооруженной рукой. Я должен здесь напомнить, что обе главные европейские континентальные державы – Германия и Франция – сполна познали прелести “федерализма” (читай: феодальной раздробленности бывшей Империи Карла Великого, первоначально поделенной его тремя внуками, но продолжавшей делиться и впредь), за которые заплатили: Франция – Столетней войной, а Германия – Тридцатилетней. Тридцатилетняя война – прямое и очень убедительное следствие федерализации Священной Римской Империи, неуклонно набиравшей силу с конца XV века. Немецкие князья возжаждали полной самостоятельности и самовластия – вот и добились этого по Вестфальскому миру: *Quius regio eius religio*. Но добились через море крови и фактический автогеноцид немецкой нации. Последствия этих войн приходилось преодолевать еще столетия, Франции вплоть до возмужания Людовика XIV, а Германии вплоть до Бисмарка и Вильгельма I.

³¹ Конечно, приходилось в чем-то идти на компромисс, давая, например, штатам определенную свободу рук, в том числе в законодательной сфере, но такова была разумная плата за соединение, так выражался баланс сил того времени. Впрочем, идея единства и общей управляемости из центра все равно превалировала. За что и с какой стати должны идти на такие уступки и жертвы мы, русские?